

НАДЕЖДА АНТОНОВА

ОТ ОТЦА

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А72

Художественное оформление серии
Константина Гусарева

Иллюстрация на переплете *Ильи Громова*

Антонова, Надежда Владимировна.

A72 От отца / Надежда Антонова. – Москва : Эксмо, 2022. – 192 с.

ISBN 978-5-04-158009-4

Роман Надежды Антоновой – это путешествие памяти по смерти отца, картины жизни, реальные и воображаемые, которые так или иначе связаны с родителями, их образом.

Книга большой утраты, оборачивающейся поиском света и умиротворения.

Поэтичная манера письма Антоновой создает ощущение стихотворения в прозе. Чтение медитативное, спокойное и погружающее в мир детства, взросления и принятия жизни.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Антонова Н., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-158009-4

Вышел папа из тумана, вынул тайну из кармана.
Выпей мертвой ты воды, мост предсмертный перейди.
Там за призрачной горою тайна встретится с тобою.

Считалка

Папа. Я тебя таким не помню, я родилась намного позже. Но мне кажется, что именно таким я всегда тебя знала. Говорят, у души нет возраста. Но почему-то мне хочется верить в то, что некий облик у нее все-таки есть. Когда я так думаю, то всегда смотрю на эту фотографию.

Я появилась в 1979 году, когда ему было двадцать девять лет – меньше, чем мне сейчас.

Он начал вести дневник, делая записи обо мне. Так мы дошли до 1995 года.

Надежда Антонова

«4 сентября 1995 года.

Вдруг почувствовал невозможность расстаться с дневником, вроде как осиротеешь. Пусть останется у меня еще некоторое время, а отдать его дочери всегда успею.

Решил – и полегчало. Вот мы и опять вместе, Надежда Владимировна».

ФОТОГРАФИЯ ПЕРВАЯ

«30 августа 1979 года.

Теплая безлунная ночь. Машина мчится по улице Молодежная напрямик в больницу. Затем приемный покой, равнодушные девицы, не ускорившие ленивые движения телес даже тогда, когда я рявкнул с угрозой на одну из них. Наш разговор закончился равнодушной репликой старшей: «Ты свое дело сделал, теперь шагай отседава...» И я вышел. Встал у большого окна, открывающего длинный коридор с тусклым светом от далекой двери в другое помещение. И пошла Люда между двумя рослыми санитарками, переваливаясь уточкой. С чувством щемящей жалости отошел от окна и пошел по ночному теплому городу. И вот в эту ночь, возможно, начнется новая жизнь. Кем-то оно будет? Так и заснул с несколько философскими мыслями. Разбудила с синим рассветом теща: «Вставай, отец, у тебя дочь...» Да извинит нас дите, а думали-то с Леонидом Ивановичем о парне... Спасибо, Люда,

Надежда Антонова

за дочь, это здорово, когда есть дочь. Значит, у меня Надя, Надежда».

А ведь была, папа, у тебя еще одна Надя. Я так много о ней знаю и не знаю ничего. Кто может сейчас сказать, какой она была, когда не только меня, но и тебя еще не существовало? Но я попробую, вдруг у нее все было именно так, как у моей самой обычной и необычной героини с самой обычной и необычной судьбой.

Маша устало покрутила в руках сновку. Интересно думать, что у валенка есть душа. Новенькие просушенные и отшлифованные валенки не были приспособлены для правой или левой ноги, первый раз их можно было надеть на любую, но вот после подстройки надеть не на ту ногу уже трудно, как будто была у них память, как у ее Толика, который каждый день запоминал и смешно коверкал новые слова. Мужчин на заводе почти не осталось, все ушли воевать, и Маша перешла на «мужскую» работу. Традиционно женщин задействовали только для сортировки, рыхления, чесания, взвешивания и пеленания шерсти. Как только появлялась укатанная сновка, ее передавали в мужской цех. В валяльной части Маша сначала не справлялась, силы в руках было мало, договаривалась с теми, кто посильней, чтобы помогали, по-

От отца

том благодарила, приносила продукты. Еды у них со Степаном хватало, на фронт он не пошел по состоянию здоровья, работал на продуктовом складе, домой приносил много, так что не бедствовали, как другие, но природная слабость брала свое. Когда немного нарастила мышцы и руки стали жилистыми и цепкими, смогла работать с колотушками и скалками без посторонней помощи, но все равно первую постиранную в горячей воде пару так и не смогла насадить на колодку нужного размера. Только со временем поняла, как и с какой стороны надо бить и нажимать, чтобы мокрый, усаженный в два раза чулок зашел на твердое дерево. Все никак не заходило у нее и с гражданским мужем.

В усадочном цехе было под сорок, как в жаркий летний день под палящим солнцем, а в чесальном, наоборот, стоял холод, как в степи морозной ночью. Маша знала, что бывает другая жизнь, где не надо метаться в страхе, что не сможешь выйти подышать или зайти погреться. У нее страх потерять, ошибиться или не успеть начался с десяти лет, когда она осталась без родителей. Тогда же у нее начал непроизвольно дергаться правый уголок рта. В дядькином доме ее выделяли и порой отдавали лучший кусок, когда он был. Но то ли с непривычки, то ли по природе так и не смогла она приноровить-

Надежда Антонова

ся к странным ссорам и еще более странным примирениям дяди Феди, брата ее матери, и его жены и поначалу панически боялась громких размолвок с драками и не менее шумных объятий после утихающих бурь. Тосковала по родителям, вспоминала простой тихий уют и чистоту, которой не было в доме дяди и тетки, и чувствовала себя чужой, лишней. Тетя Нина с прищуром смотрела на то, как Маша пришивала куски белой занавески – широкий сверху на месте двух ушастых краев воротника и два узких на рукавах – к лоснящейся на локтях ядрено-коричневой школьной форме, доставшейся от двух старших сестер, и со смехом приговаривала: «Ну ты, Машк, прямо фрейлина! И так бы сошло, без обшлагов, воротник бы пришила один, и будет. Они сами-то что в этой жизни видали? Почитай лучше». Но тут она как будто о чем-то вспоминала, осекалась и, продолжая тихо бормотать себе под нос, уходила в другую комнату.

Библиотека находилась через два квартала от их дома. «Здравствуй, Маша! Хочешь сушек?» – говорила ей пожилая пронцательная Серафима Семеновна, угощала горячим чаем и выносила очередной роман Диккенса. Эстер Саммерсон, Дэвид Копперфильд, Оливер Твист, Крошка Доррит, Николас Никльби. Нет, у нее все еще хорошо, даже очень хорошо. А фрейлиной – Серафима Семенов-

От отца

на сказала, что это такая дама, которая служит царственной особе, — быть даже приятно. Маша едва заметно улыбалась, и правый уголок губ произвольно шел вниз — страх не отпускал, но как будто бы соглашался, что бывает и хуже.

Как-то тетка попросила Машу принести из комнаты газету растопить печь. Под пухлой стопкой «Правды», «Известий» и «Красной звезды» лежала старая потрепанная книга с названием, написанным странными буквами — часть из них были русскими, часть нет, а на конце зачем-то еще стоял твердый знак: Война міровъ. Маша не удержалась, раскрыла и начала читать. Скоро она поняла, что твердый знак на конце слов после согласных стоит просто так, і читается как И, а буква, похожая на мягкий знак, — это Е. Во врѣмя протівостоянія, въ 1894 году... Вошедшая тетя Нина выхватила из Машиных рук книгу, не глядя, сунула ее в бельевой шкаф и удивленно рассмеялась: «Ишь ты, мастей не знает, а в карты играет!»

Маша сидела на пахнувшей газом, котами и требухой кухне. Соседи варили требуху для собак, семья дяди Феди для себя. На кухню зашел маленький Матвей с зеленью под носом, заныл и потянулся к столу. Маша макнула хлебную корку в кружку с водой и дала ему. Дядя Федя, вошедший следом, отогнал от стола мальчика, открыл

Надежда Антонова

печку и кинул туда еще несколько лепешек сухого навоза. В дверь постучали, зашла соседка вернуть картошку и лук, принесла немного сала в подарок, отозвала дядя Федю в сторону: «Федь, там это, пишут опять...» Во дворе во весь забор белой краской было выведено: «Нинка шлюха». Дядя Федя согнал всех детей в дальнюю комнату и закрыл на ключ. Наутро Маша, две ее старшие сестры и тетя Нина красили забор. Тетя Нина широко улыбалась и весело подмигивала Маше здоровым глазом. Второй, заплывший, с синевато-желтыми разводами по векам она берегла.

Тетя Нина работала бухгалтером в горисполкоме. С людьми, особенно с мужчинами, сходилась легко и так близко, что у некоторых баб зубы от злости крошились, а у мужа от ревности желваки набухали. Иногда пройдет по улице, веселая, приветливая, с кем-то посплетничает, с кем-то поспорит беззлобно, кого-то утешит, и уже кажется, что солнце сегодня ярче светит. На работе ее уважали, и один раз она даже была на Доске почета, хотя в партию так и не вступила. На вопросы о своей беспартийности отшучивалась: «Партия не лошадь, всех вывезет». С детьми занималась мало, но с душой, чувствовала, когда и как нужно сказать, чтобы стало понятно, голос не повышала, но умела объяснить даже самым маленьким, что и где лучше

От отца

бы исправить. Когда старшие девочки приходили ябедничать друга на друга, тетя Нина могла выговорить: «Любаш, а ты карту-то не передергивай, не по-сестрински это!..» А если Матвейка с ревом прибежал с улицы, утешала: «Ну что ты, разве не знаешь, где игра, там и шулера, все на одну не ставь...»

Каждый раз, когда Маша красила забор или стену дома с сестрами и тетей Ниной, ее вдруг охватывало стыдное, буйное веселье, заставляющее краснеть и подолгу застывать с кистью в руке. Была во всем этом какая-то жаркая, душная, пряная тайна. Сестры часто жаловались ей, как их дразнят в школе; Машу же странным образом это не обижало, она не чувствовала стыда за тети-Нинино поведение, стыдилась необузданного преступного любопытства.

Один раз на улице к Маше подошел хромоногий сосед Степан и протянул пряник. «Ну что, курносая, когда опять забор красить с мамкой пойдете? Меня позови, мамка у вас затейница. Да и ты тоже ничего, одна порода». От него пахло смесью табака, водки, навоза, грязных носков и чего-то ядерного, мускусного. Маша посмотрела на его низкий выпуклый лоб с прилипшими прядями, небритые щеки, мясистый нос, полные потрескавшиеся губы с заедами в уголках, шею с выступающим кадыком